

III. Разрази меня гром!

(Молния в дымовой трубе)

Боб Блэк - революционер, - ухмыляется Дэвид Рэмси Стил, - "как Джин Аври был ковбоем". ("The Abolition of Breathing", Liberty, March 1989) Марксист, ставший либертарианцем, Стил недоволен тем, что для меня его движение вперед - это просто хождение по кругу. Это самая длинная и суровая рецензия Стила на книгу "Отмена работы и другие очерки", и хотя ни один из пунктов моей дискредитации не является для него слишком малозначительным, моя критика работы - главная мишень. Стил пытается не просто опровергнуть меня, но и выставить меня феерическим клоуном, по очереди инфантильным и злобным (для Стила это, вероятно, синонимы). "Я шучу и серьезен", - цитирует он меня в начале статьи, но если я иногда успешно шучу, то я серьезен только "в том смысле, в каком ребенок, выпрашивающий еще конфет". Поскольку я изучал немецкий язык в колледже, так получилось, что я знаю, что "Ницше" не рифмуется с "персиком" (Nietzsche - pitchy). Уверен, что Рэй Дэвис из группы The Kinks, соратник Стила по Британии, тоже прекрасно знал, что "регата" не рифмуется с "to get at her", даже в кокни. Мы, поэты, растягиваем язык, но не так, как Стил, правда всерьез". Стил хочет отправить меня обратно в каменный век, как раз туда, где мои идеи (предупреждает он) приведут к гибели горстку людей, которые смогут пережить отмену работы.

На самом деле я, как обвиняемый, и шутилив, и серьезен. Поскольку он не является ни тем, ни другим, Стилу не суждено понять меня. Метафора, ирония и абсурд играют - я имею в виду, именно играют - роль в моих высказываниях, которые для Стила в лучшем случае являются поводом для недоумения, в худшем - поводом для клеветы. Я пишу более чем в одном смысле, и меня следует читать более развернуто. Моя книга стереоскопична. Стил жалуется, что мне не удалось привести "последовательные доводы в пользу каких-то изменений в управлении обществом". Но я не приводил (как он предполагает) бессвязные доводы в пользу того, чего хочет он - новых хозяев, - я приводил последовательные доводы в пользу того, чего хочу я, - общества, которым вообще не "управляют".

Когда либертарианец, обычно превозносящий добродетель эгоизма, называет меня "самодуром", он показывает, что готов пожертвовать второстепенными ценностями, если потребуется, чтобы противостоять угрозе фундаментального масштаба. В эмоциональном плане этот отзыв эквивалентен сирене воздушной тревоги. Не принимайте (повторяю), не принимайте всерьез этого "полуобразованного" гопника!

Стил безумно мечется между обвинением меня в снобизме и, когда он называет меня полуобразованным, проявляет его сам. Если с тремя академическими степенями я полуобразованный, то сколько их у Стила? Шесть? Да какая разница? Большую часть того, что я пишу, я никогда не изучал в школе, и уж точно не в австрийской школе. Стил говорит,

что я "не разбираюсь в экономике", забываю о внешней стороне своей точки зрения и (если все пойдет хорошо) о мрачной науке дефицита. Я никогда не погружаюсь в этот малярийный бассейн, ни на какую глубину - я его осушаю. Я не играю в капиталистическую игру Стила, я предлагаю новую игру. Я не плохой экономист, ибо я вообще не экономист. Свобода заканчивается там, где начинается экономика. Человеческая жизнь изначально была доэкономической; я попытался выяснить, может ли она стать постэкономической, то есть свободной. Самым большим препятствием, как мне кажется - и Стил никогда с этим открыто не соглашается, - является институт труда, особенно, как мне кажется, в его индустриальном варианте. Как и большинство либертарианцев, Стил настолько предпочитает индустрию свободе, что даже постановка проблемы труда как проблемы свободы повергает его в ужас.

Должно быть, много труда ушло на единственную серьезную критику Стила, которая не зависит от прежней веры в экономику свободного времени, - попытку представить мои определения работы и игры как путанные и противоречивые. Он цитирует мою книгу (стр. 18-19) следующим образом:

Работа - это производство, навязанное экономическими или политическими средствами, пряником или кнутом... Работа никогда не делается ради нее самой, она делается ради какого-то продукта или результата, который рабочий (или, чаще, кто-то другой) получает от нее".

Стил комментирует: "Сначала кажется, что это говорит о том, что работа - это работа, если вы делаете ее потому, что должны, или потому, что вам за нее заплатят. Затем кажется, что это говорит о другом: что работа - это работа, если вы делаете ее ради ожидаемой цели". Первое предложение приблизительно точно, второе - нет. Все действия человека целенаправленны, с чем первым согласится наш австрийский школьный учитель, то есть все действия человека направлены на достижение цели - работа, игра, все. У игры тоже есть "ожидаемая цель", но не такая, как у работы. Цель игры - процесс, цель работы - продукт (в широком смысле).

Работа, в отличие от игры, совершается не ради внутреннего удовлетворения от деятельности, а ради чего-то отдельного, что может быть получением зарплаты или просто отсутствием порки сегодня вечером. Предполагаемая цель игры - удовольствие от действия. Стил, а не я, сбивает с толку, когда он придает моим определениям блеск, чтобы разрушить те самые различия, которые я намеревался с их помощью провести.

В другом месте этого небольшого эссе я предлагаю сокращенное определение работы как "принудительного труда", дымовых труб как "принудительного производства". Предсказуемо, что такой либертарианец, как Стил, утверждает, что экономический пряник не является принудительным, как и политический кнут. Я не стал спорить против этого необоснованного мнения, потому что его придерживаются только либертарианцы и экономисты, а их просто недостаточно, чтобы загромаждать величественную широту и размах моего аргумента большим количеством отступлений. Стил, как я заметил, тоже не спорит на эту тему. Все это доказывает, что я не либертарианец, а это лишний труд, поскольку я ясно даю это понять в другом эссе книги, "Либертарианец как консерватор". В

этом вопросе Аристотель, философ, которым восхищаются либертарианцы, на моей стороне. Он утверждает, что "жизнь, связанная с зарабатыванием денег", "ведется по принуждению". (Nie. Eth. 1096a5) Верь в это, чувак. Но даже если мы с Ари ошибаемся, мы не запутались и не заблуждаемся. В моих определениях нет ничего противоречивого или непоследовательного, и они не противоречат обычному употреблению. Либертарианец или любой другой человек, который не может понять, что я говорю, либо прикидывается дурачком, либо действительно таковым является. Люди, которые, возможно, даже наполовину не образованы, понимают, что я говорю о работе. Когда мое эссе было опубликовано в первый раз, в виде брошюры, печатник (босс) сообщил, что "стало тихо", когда он отнес рукопись в заднюю комнату; он также подумал, что рабочие унесли несколько лишних экземпляров для себя. Лишь у невоспитанных интеллектуалов возникают проблемы с пониманием того, что не так с работой.

Работа по определению продуктивна и по определению обязательна (в моем понимании, которое охватывает труд, без которого человек лишен средств к выживанию, в нашем обществе чаще всего, но не всегда, наемный труд). Игра по определению приносит внутреннее удовлетворение и по определению является добровольной. Игра не является по определению ни продуктивной, ни непродуктивной, хотя она была ошибочно определена Хьюзингой и де Ковенсом, среди прочих, как обязательно несущественная. Это не обязательно так. Имеет ли игра последствия (то, что продолжается после окончания игры), зависит от того, что поставлено на карту. Перестает ли покер быть игрой, если вы ставите на исход? Может быть, да, но может быть, и нет.

Я предлагаю объединить лучшую часть (фактически, единственную хорошую часть) работы - производство потребительских ценностей - с лучшей частью игры, которая, как я понимаю, представляет собой все аспекты игры, ее свободу и удовольствие, ее добровольность и внутреннее удовлетворение, избавленные от кальвинистских коннотаций легкомыслия и "потакания себе", которые мастера работы, поддержанные Йоханом Хьюзингой и Дэвидом Рэмси Стилом, старались придать свободной игре. Неужели это так трудно понять? Если продуктивная дымящаяся игра возможна, то возможна и отмена работы.

Будучи вполне образованным человеком, Стил, тем не менее, не понимает моих дискурсивных определений работы. Я не объективист, который определяет свои термины; я даю определения только как начальные шаги, как приближения, которые должны быть обогащены и уточнены иллюстрациями и разработками. Работа - это производство, вызванное внешними побуждениями, такими как деньги или насилие. Независимо от того, имеют ли мои несколько вариантов формулировок один и тот же смысл (значение), они имеют, в терминологии Фреге, одну и ту же референцию, они обозначают одно и то же явление. (В конце концов, я взял в руки книгу, чтобы учиться).

По мнению Стила, то, что я называю отказом от работы, - это всего лишь "авангардное обогащение". Я не проявляю "никакого интереса к этой теории", потому что она не имеет для меня никакого значения (я знаком с ней настолько, насколько мне это нужно).

"Обогащение рабочих мест" - это консервативная реформа сверху донизу, с помощью которой работодатели улучшают рабочие места, чтобы они казались более интересными, не

отказываясь от контроля над ними и тем более не подменяя их. Работа, любая работа - исключительное производственное задание - это, как ясно показывает "Отмена", отягчающее условие труда; почти всегда она подавляет плюрализм наших потенциальных способностей. Даже занятия с некоторым внутренним удовлетворением, как свободно выбранное времяпрепровождение, утрачивают свою забавность, когда превращаются в работу, в контролируемое, ограниченное по времени, эксклюзивное занятие, выполняемое в обмен на деньги, которых хватает на жизнь. Работа - это худший вид труда, и первый, который должен быть уничтожен. Для меня литература по обогащению труда значима только в одном смысле: она доказывает, что работники в достаточной степени настроены против работы - то, что отрицает Стил, - и руководство заботится о том, чтобы заглушить или направить их недовольство. Стил, неправильно понимая это, неправильно понимает все.

Я никогда не отрицал необходимости того, что экономисты называют производством. Я призывал к его безжалостному аудиту (сколько из этого производства стоит того, чтобы страдать ради его производства?) и к превращению того, что кажется необходимым, в продуктивную игру - два слова, которые должны быть вытатуированы на лбу Стила, поскольку они объясняют все, что во мне ему не нравится или он неправильно понимает. Продуктивная игра. Непродуктивной игры тоже много, я надеюсь, что в идеале это такая организация, в которой нет смысла следить за тем, кто из них кто, но игра как парадигма. Продуктивная игра. Деятельность, которая в данное время, в данных обстоятельствах и с учетом вовлеченных в нее людей является по своей сути приятной игрой, но которая в своей совокупности производит средства к жизни для всех. Самые необходимые функции, такие как "первичный дымовой сектор" (производство продуктов питания), уже имеют свои лудические аналоги в охоте и садоводстве, в хобби. Мои категории не только последовательны, они уже действуют в каждом обществе. К счастью, не так много людей настолько экономически изощрены, чтобы не понять меня.

Если Стил действительно верит, что без пекарен не может быть хлеба, а без борделей - секса, мне его жаль.

Всякий раз, когда Стил заходит в антропологию, он оказывается не в своей тарелке. В "Примитивном изобилии" я обратил внимание на шутовской характер его портрета доисторической политэкономии: несколько пещерных людей, взятых на время из "Дальней стороны", сидят на корточках вокруг костра, перебрасываясь дерьмом за неимением лучшего занятия и время от времени вырезая стейк из все более гнилой туши, пока не кончится мясо. Такой нелепый расизм поражает воображение, он так же шокирующе глуп, как если бы сегодня мы устроили старое менестрельское шоу, с черными лицами и всем остальным. Охотники не делали больше работы, объясняет он, потому что "они не видели в этом никакой выгоды из-за ограниченных возможностей". Конечно, они не видели выгоды, потому что концепция была бы для них бессмысленной, но их возможности не были так ограничены, как наши. Если взять в пример сан, то они обычно пользовались правом выбора, которое у нас есть только две недели в году: выбор - спать или вставать и идти на работу. Более чем в 63 случаях охотник из племени сан остается дома. То, что Стил считает "вариантами", - это не выбор того, что делать, а выбор того, что потреблять: "Когда такие общества охотников-собирателей сталкиваются с более технически развитыми обществами с большим ассортиментом продуктов, охотники-собиратели обычно проявляют сильное

желание заполучить некоторые из этих продуктов, даже если это грозит им некоторыми неприятностями".

Это обобщение, как и другие, на которые отваживается Стил, только кажется эмпирическим. На самом деле оно является выводом из экономической модели, которая с самого начала предполагала, что кто-либо когда-либо действовал или мог действовать иначе, чем более или менее хорошо информированный рациональный максимизатор. С исторической точки зрения, это необоснованно. Хотя охотники-собиратели (а также садоводы и скотоводы) часто брали из европейского набора инструментов, они не хотели участвовать в системе трудового порабощения, с помощью которой эти инструменты производились. Сан любят превращать колючую проволоку, украденную у южноафриканских фермеров, в остря, более эффективные и более простые в изготовлении, чем каменные, но им не нравится работать на алмазных рудниках. "Большая часть человечества, - полагает Стил, - уже несколько тысяч лет занимается сельским хозяйством, поскольку на каком-то этапе оно оказалось более продуктивным, чем охота". "На каком-то этапе" выдает утверждение за то, чем оно является - дедукцией из аксиом, а не историческим репортажем. Стил взбесился бы, если бы кто-то сказал: "Большая часть человечества на протяжении нескольких тысяч лет исповедовала авторитаризм, на каком-то этапе найдя его более свободным/упорядоченным/стабильным/удовлетворительным, чем либертарианство".

Параллелизм не случаен. В подавляющем большинстве случаев безгосударственные общества являются также бесклассовыми, рыночными и по сути безработными. В подавляющем большинстве случаев рыночные общества также являются государственными, классово разделенными и трудовыми обществами. Не перегибаю ли я палку, предполагая, что во всем этом может быть вызов для либертарианцев, который не в полной мере удовлетворен тем, что Стил меня приманивает?

Псевдофактическое утверждение Стила предполагает, что все повсеместно хотят повышения производительности труда. Хотя Стил характеризует мою цель (чуть менее неточно, чем обычно) как нечто вроде анархо-коммунизма или "высшей стадии" коммунизма (он вспоминает жаргон своей марксистской фазы), именно Стил звучит как коллективист, представляя "человечество" как некий организм, который "на каком-то этапе" решил идти за золотом, взяться за мотыгу. Только когда и где проводился этот референдум? Если предположить, что сельскохозяйственные общества более продуктивны (в чем?) на душу населения, кто сказал, что излишки достаются производителям? Возможно, Стил уже не согласен с тем, что говорил Энгельс в "Происхождении семьи, частной собственности и государства", но он наверняка помнит поднятые там вопросы и цинично подавляет то, что знает он, но не знает его интеллектуально обедненная либертарианская аудитория. Крестьяне производили больше, работая для этого гораздо тяжелее, но потребляли меньше. Произведенное ими богатство можно было хранить, продавать и красть, облагать налогами и отбирать у королей, дворян и священников. Так как это могло быть, со временем так и стало - "на каком-то этапе" то, что было возможно, стало действительностью, государство и сельское хозяйство, паразит и его хозяин. Остальное - буквально история.

Если сельское хозяйство и возникшее на его основе индустриальное общество обозначают этапы прогресса свободы, то следует ожидать, что самые древние сельскохозяйственные цивилизации (ныне занятые индустриализацией) находятся в авангарде свободы. Один участок страны наслаждался благами цивилизации в два раза дольше, чем следующий претендент. Я говорю, конечно, о Шумере, более известном в последнее время как Ирак. Почти столь же либертарианской является следующая цивилизация, все еще цивилизованная: Египет. Далее - Китай. Нужно ли говорить больше?

И как только одно или несколько из этих сельскохозяйственных рабовладельческих обществ развивались, они расширялись за счет своих безгосударственных соседей, чьи маленькие общества, живущие лицом к лицу, хотя и были психологически приятными и экономически изобильными, не могли молнией победить огромные армии рабов, не превратившись в то, с чем они боролись. Таким образом, они проигрывали, если побеждали, подобно кочевым армиям аккадцев, монголов или тюрков, и, конечно же, проигрывали, если уступали. Это не имело ничего общего с поиском лучшей сделки.

Стил не понимает (или делает вид, что не понимает), почему я вообще заговорил о примитивах. Не потому, что я когда-либо выступал за всеобщее возвращение к кормовому образу жизни. Хотя бы потому, что специализированная отупляющая работа, которую нам приходится выполнять, не приспособлена к разнообразной квалифицированной игре, которая порождает изобилие, воспринимаемое охотниками-собирающими как должное. Дональд Трамп беспокоится о своем экономическом будущем гораздо больше, чем мать из Сан-Франциско о своем. Охотник-собирающий вырастает в среде обитания и учится ее читать. Я уже цитировал Адама Смита о том, что разделение труда, даже если оно повышает производительность, уменьшает человеческую личность. Если либертарианский идеолог и должен что-то ответить или объяснить во всей моей книге, так это то, что старина Адам говорил о труде, но Стил старательно замалчивает этот семейный скандал. (Сколько либертарианцев, если уж на то пошло, знают, что Смит был пресвитерианским священником? Или что он выступал за обязательное школьное образование именно для того, чтобы противостоять развращающему воздействию труда?)

Охотники-собирающие помогают нам понять и смущают либертарианцев, по крайней мере, двумя способами. Они являются единственными известными жизнеспособными безгосударственными обществами. И они не работают, за исключением редких чрезвычайных ситуаций, в том смысле, в котором я использую это слово. Они, как и мы, должны производить, но обычно им не приходится работать. Они получают удовольствие от того, что делают, в тех относительно редких случаях, когда у них есть настроение этим заниматься; таковы этнографические данные. У некоторых примитивов нет слов для различения работы и игры, потому что нет причин проводить различие. Это нам они нужны, чтобы понять, что с нами произошло. Примечательно, что я согласен со Стилом в том, что мы, современные люди, не можем "приблизиться к такому образу жизни очень близко и при этом сохранить развитую промышленность, хотя мы могли бы постепенно приближаться к нему, сокращая часы и составляя более гибкие графики работы, а некоторые индивидуумы [это подколка в мой адрес] довольно близко приближаются к нему, сочетая случайную работу и жизнь на подаяния". Хорошо, тогда давайте не будем "поддерживать развитую промышленность". Мне нужна свобода; Стил в "Свободе" предпочитает промышленность.

Думаю, газете следует переименовать себя в "Индустрию", если именно в этом заключается ее глубокая преданность.

В "Отмене" я намеренно агностически относился к технологии, потому что хотел представить дело аболиционистов в наиболее универсальных терминах. Не обязательно соглашаться с моим реальным мнением о промышленных технологиях (весьма скептическим), чтобы согласиться с моей оппозицией к труду, хотя это и помогает. Сам Стил не утруждает себя последовательностью своих обвинений, на одной странице обвиняя меня в "амбициозном стремлении уничтожить социальное сотрудничество и технологию", тем самым осуществив "уничтожение более 95 процентов населения Земли и низведение остатка до состояния ниже каменного века" (даже ниже!) - и на следующей странице повторяет "обычные коммунистические утверждения" о том, что "автоматизация" может сделать почти все". То, что Стил причудливо называет каменным веком, - это миллион лет, в течение которых все люди жили как охотники-собиратели, и мы уже убедились, что есть много плюсов в таком образе жизни, к которому большинство из нас, к сожалению, не приспособлено. Для Стила "обычные коммунистические утверждения" выполняют ту же отвлекающую функцию, что и "обычные подозреваемые", когда их собирают в кучу.

По крайней мере два писателя-фантаста, которые, вероятно, знают о высоких технологиях гораздо больше, чем Стил, - киберпанки Брюс Стерлинг и Льюис Шайнер - опирались на "Отмену работы", рисуя образ жизни без работы, который в разной степени зависит от технологий. В книге "Острова в сети" Стерлинг экстраполирует несколько антирабочих позиций: "авангардное обогащение рабочих мест" (как сказал бы Стил) расслабленной транснациональной корпорации Rhizome; избирательный постпанк высоких технологий сингапурской Антирабочей партии; постсельскохозяйственный партизанский кочевничество повстанцев-туарегов в Африке. Несколько моих фраз он использует дословно. Шайнер в "Слэме" рассказывает о своей индивидуальной антирабочей одиссее, явно обязанной несколькими книгам Loompanics, в том числе "главной вдохновительнице этого романа, "Отмене работы" Боба Блэка".

Если я скептически отношусь к освобождению с помощью высоких технологий, то главным образом потому, что технари даже не исследуют эту возможность, а если не они, то кто? Они все время заняты нанотехнологиями, пока еще несуществующей технологией молекулярно-механического манипулирования - этим клише из SF, трансформатором материи, - не проявляя никакого интереса к тому, какую работу, если она вообще есть, предстоит выполнить в такой гипертехнологичной цивилизации. Так что на данный момент мне кажется, что низкотехнологичное освобождение - более правдоподобное направление.

То, что я считаю "третичный сектор или сектор услуг бесполезным", - ложь, но вернее, чем большинство из того, что Стил мне приписывает. Я рассматриваю большую часть этого сектора - сейчас самого крупного - так, как либертарианец рассматривает большую часть правительственной бюрократии. Его динамика - это, главным образом, его собственное воспроизводство с течением времени. Сектор услуг обслуживает сектор услуг "70 дымовых труб", как и государство воссоздает государство. В романе "Я был роботом" Эрнест Манн продолжает давнюю утопическую социалистическую традицию, перечисляя все отрасли, которые существуют только для того, чтобы они и им подобные могли продолжать

существовать и расширяться. Согласно либертарианской литании, если отрасль или учреждение приносят прибыль, то они удовлетворяют "желания", происхождение которых намеренно игнорируется. Но то, что мы хотим, то, что мы способны хотеть, зависит от форм социальной организации. Люди "хотят" фастфуд, потому что им нужно спешить на работу, потому что переработанная еда из супермаркета все равно не намного вкуснее, потому что нуклеарная семья (для сокращающегося меньшинства тех, у кого есть хоть что-то, чтобы вернуться домой) слишком мала и слишком напряжена, чтобы поддерживать большой праздник в приготовлении и употреблении пищи и так далее. Только люди, которые не могут получить то, что хотят, смиряются с тем, что им нужно больше того, что они могут получить. Поскольку мы не можем быть друзьями и любовниками, мы выпрашиваем больше конфет.

Либертарианец больше расстроен, чем признается, когда он бросает свое излюбленное элитарное самозванство, губы разжимаются, пачка сигарет падает, и хладнокровный рациональный антиэгалитарный подражатель Хайнлайна превращается в популистского демагога. В "Лице со шрамом" Эдгар Г. Робинсон рычит: "Работа - для дураков". В "Свободе" Дэвид Рэмси Стил кричит, что для работяг есть 71 работа. Когда он говорит то, что хочет услышать, Vox Populi - это Vox Dei, но не тогда, когда речь заходит о социальном обеспечении, фермерских субсидиях, антинаркотических законах и других популярных формах государственного вмешательства. Стил уверяет нас, что рабочие предпочитают более высокую зарплату обогащению на работе. Это вполне может быть правдой и, конечно, имеет смысл, поскольку, как я уже объяснял, обогащение труда - это не отмена работы, а лишь довольно неэффективная форма психологической войны. Но откуда он знает, что это правда? Потому что, объясняет он, в последнее время практически не наблюдается тенденции к обогащению труда на американском рабочем месте. Это вопиющая чушь, поскольку в течение последних пятнадцати или более лет у работников не было выбора между повышением зарплаты и чем-либо еще по той простой причине, что реальная зарплата упала по отношению к уровню жизни. Расплата - это такая проблема, с которой благоразумный работник не обращается к консультантам в программе помощи соотрудникам.

Я выступаю за то, что нельзя купить за деньги, - за новый образ жизни. Отказ от работы не может быть предметом торга, поскольку подразумевает отказ от начальников, с которыми нужно торговаться. Деликатно упоминая о стандартном "пакете услуг", Стил предает забвению тот факт, что у рядового соискателя столько же шансов поспорить о содержании своей работы, сколько у рядового покупателя - о ценах в очереди в кассу супермаркета. Даже коллективные переговоры при посредничестве профсоюзов, которые никогда не были нормой, теперь недоступны для подавляющего большинства работников. Кроме того, профсоюзы не способствуют таким реформам, как рабочий контроль, поскольку, если бы рабочие контролировали работу, им не нужны были бы брокеры, продающие их рабочую силу менеджменту, функции которого они узурпировали. Поскольку восстание против труда не было и не могло быть институционализировано, Стил не в состоянии даже представить себе, что оно существует. Стил - промышленный социолог, как Джин Автри - ковбой. Он совершает недобросовестные действия в любой области, в которую лезет; он - бизарро да Винчи, настоящий Ренессанс Клатц. Конечно, ни один другой антрополог не считает, что "Флинстоуны" были документальным фильмом.

С поистине птолемеевским упорством Стил навешивает эпицикл на эпицикл, чтобы примирить реальность со своей рыночной моделью. Возьмем, к примеру, вредность труда для здоровья: "Если какая-то деятельность занимает много времени людей, то она, вероятно, повлечет за собой много смертей и травм". Таким образом, в доме происходит много смертей: "Свидетельствует ли это о том, что жилье по своей природе убийственно?" Короткий ответ заключается в том, что я предлагаю отменить работу, а не отменить жилье, потому что жилье (или, скорее, кров) необходимо, а работа, как я утверждаю, нет. Я бы сказал о жилье то же, что Стил говорит о работе: если это убийство, то это оправданное убийство. (Не во всех случаях, не тогда, когда хозяева трущоб сдают в аренду пожарные ловушки, но это пока оставим в стороне). И аналогия абсурдна, если все виды деятельности одинаково опасны, подразумевая, что вы с таким же успехом можете курить или играть в русскую рулетку, как есть салат или играть в пирожные. Некоторые люди умирают во сне, но не потому, что они спят, тогда как многие умирают потому, что работают. Если работа более опасна, чем многие виды деятельности, не связанные с работой, которыми люди предпочитают заниматься, то риск - это часть аргумента против работы. У меня нет желания исключить из жизни все опасности, я лишь хочу, чтобы риск можно было свободно выбирать, когда он сопровождает и, возможно, усиливает удовольствие от игры.

Стил утверждает, как правило, без подкрепления, что безопасность на рабочем месте зависит от дохода: "По мере роста доходов рабочие места становятся более безопасными, у работников появляется больше альтернатив, и они могут настаивать на большей компенсации за высокий риск". Я не знаю никаких доказательств такой взаимосвязи. Если Стил прав, то должна быть тенденция к тому, что более высокооплачиваемая работа безопаснее, чем хуже оплачиваемая, но шахтеры зарабатывают гораздо больше, чем уборщики, а пожарные - гораздо меньше, чем юристы. Если корреляция Стила и имеет место, то она легко объяснима: элитная работа просто лучше во всех отношениях, чем работа грубияна - безопаснее, лучше оплачивается, престижнее. Чем меньше у вас есть, тем меньше у вас есть: вот вам и "компромиссы".

Забавно, что единственное свидетельство, которое согласуется с догадками Стила, - это свидетельство, которое он же сам и опровергает. Производственный травматизм и смертность в последние годы возросли, даже несмотря на падение реальной заработной платы, но Стил идеологически привержен сказке о прогрессе. Он утверждает, что "рабочие предпочли получить большую часть выгод от роста производства в виде большего количества товаров и услуг и лишь небольшую часть этих выгод в виде меньшего количества рабочего времени". Не рабочие забрали эти преимущества, не в виде более высокой зарплаты, не в виде более безопасных условий труда и не в виде более короткого рабочего времени - продолжительность рабочего дня увеличилась незначительно. Значит, в 80-е и последующие годы рабочие "выбрали" более низкую зарплату, более длинные часы и большую опасность на рабочем месте. Да, конечно.

Стил, или Рэмси-Стил, как он обычно подписывался, когда писал для хиппи-газеты "Оз" в 60-е годы, если и бывает бестактен, то иногда остроумен, как, например, когда он называет меня "веревкой, натянутой над пропастью между Раулем Ванейгемом и Сидом Вишесом". Мои левые критики не так хороши. После того как я назвал Open Road "Роллинг Стоун анархизма", этим анархо-левым понадобилось несколько лет, чтобы назвать меня "Бобом

Хоупом анархизма", что, очевидно, было огромным трудом с их стороны. "Отмена 75 дыханий" (какое чувство юмора у этого парня!) - это, если не принимать во внимание ее грубость, особенно неумелый ход либертарианца. Я за дыхание; как написал обо мне Эд Лоуренс, "его любимое оружие - перочинный нож, а когда он берется за горло, дышите спокойно, обычный результат - трахеотомия вдоха".

Как оказалось, на либертарианскую позицию по поводу дыхания можно пролить свет. Айн Рэнд всегда вдохновляет и часто оракулирует либертарианцев. Ярая атеистка и ярая рационалистка - она считала, что она и три или четыре ее ученика были единственными по-настоящему рациональными людьми - Рэнд заметила, что она поклоняется дымовым трубам. Для нее, как и для Линдона Ларуша, они не только олицетворяли, но и были воплощением человеческих достижений. Должно быть, она имела это в виду, поскольку сама была чем-то вроде дымящейся трубы; она курила цепочку, как и другие рационалы в ее окружении. В конце концов она сама отменила свое дыхание: она умерла от рака легких. Теперь, если сэр Дэвид Рэмси Стил беспокоится о дыхании, ему следует поспорить не со мной, а с владельцами дымовых труб, которые я хотел бы закрыть. Как и Рэнд, я атеист (хотя и с языческими наклонностями), но я ничему не поклоняюсь и даже предпочитаю поклоняться Богу, а не дымовым трубам.

Версия #2

Зверобой создал 26 мая 2025 08:07:57

Зверобой обновил 27 мая 2025 01:54:17